

Михаил Кукобака

УКРАДЕННАЯ РОДИНА

Поезд подошел к Бобруйску ранним августовским утром. Среди суетящейся толпы пассажиров этот, бородатый, выделялся внешней неторопливостью. Сошел одним из последних, сдал чемодан в измеру хранения, а с оставшимися в руках портфелем снова вышел на перрон, как бы не в силах сразу расстаться с прошлым. На вид ему было около сорока. Редкая, но заметная седина проскальзывала в бороде и на висках. Под внешним спокойствием и медитательностью внимательный наблюдатель мог бы заметить какую-то внутреннюю напряженность. Это выдавали и глаза: тревожные и как бы что-то ищущие. Осмотревшись, приезжий медленно направился в сторону от вокзала.

Гляди со стороны, можно было подумать, что человек приехал в чужой, незнакомый город.

Ж правда, когда это было? И было ли?..

• • • • • • • • •
Мне шел семнадцатый год, когда в такой же августовский день, на этой же бобруйской платформе, нас, выпускников ремесленного училища, торопливо грузили в поезд. По распределению мы ехали возводить одну из строек коммунизма в далекой Сибири. Стройку эту мы возводили в г. Ангарске, работая в одной зоне с заключенными, от которых отличались разве что своей молодостью.

Но сейчас я думаю о другом. Где-то здесь, на улице Минской, рядом со школой имени Белинского, должен быть деревянный двухэтажный дом с большим двором, огороженным гудим забором. Вдоль забора - ряды деревьев. Где-то среди них - березка, посаженная моей рукой. Как говорила нам воспитательница, - чтобы оставить память на земле, чтобы было о чем вспомнить, когда вернемся сюда взрослыми... Вот и нужна мне улица. Но как они не похожи! - эта и та, которую помнил с детства. Словно два разных человека с одинаковой фамилией.

Бывшая моя школа на месте, а рядом - кирпичное здание с вывеской "школа-интернат". И никаких деревьев. Память стерта бульдозером. Вдруг, позади интерната, замечаю знакомый темно-коричневый дом. Он то и нужен мне. Подхожу ближе. Стекла выбиты, окна заколочены досками. Рядом - длинное одноэтажное

- 2 -

строение в таком же состоянии. Раньше это были т.н. рабочие классы. Здесь мы готовили домашние задания. Сюда же, спасаясь от недремлющего ока воспитателей, забирались, пролезая через форточку, в свободное время для игр и обсуждения своих маленьких детских тайн.

Сколько раз в мрачной одиночке Владимирского централа воскрешал я картины своей юности. Вот я сижу у окна в этом рабочем классе, то и дело украдкой поглядывая назад. Уж больно любопытная книжка у Сережки - "Янки при дворе короля Артура". - "Дай глянуть!" - шепчу я. - "Кукобака не вертись, сиди спокойно!" - обрывается строгий голос воспитательницы.

Сколько еще разных ~~стенников~~^{окриков} предстоит услышать в жизни. "Не шевелись! Смир-р-но!" Или годами позже: "Руки назад! Не оглядываться!". И лязг автоматов, и речание конвойных овчарок...

...А в пещерном сумраке одиночки неспешно прокручиваются кадры далекого прошлого... После окрика воспитательницы я на секунду замираю. Но арифметика не идет на ум. За окном ноябрь. Огромные, мягкие снежинки тихо устилают землю, тронутую первым морозцем. Хочется на волю. На душе какое-то необъяснимое бутаркое настроение.

Шишка в окне уже проема, и я сдвигая ее, увеличивая струю прохладного, щекочущего воздуха. Впереди меня сидит симпатичная девочка Раи Бойко, ей это не приятно. - "Мишка, не хадничай, давай по-честному!" - и она передвигает стекло на середину проема, раздваивая струйку свежего воздуха. Девочка мне нравится, но я упрямно передвигаю стекло по-своему.

Она злится. Повторный оклик воспитательницы прекращает наше возню. Тенирь, в этой дымящей, мрачной камере, мне жаль давшего упрямства, и я охотно бы уступил той девочке, перенесясь через годы назад...

- Извините, Вы по поводу сноса этого дома?

Я вздрагиваю и ошарашенно смотрю на человека средних лет, по виду похожего на мастера-строителя. Не в силах сразу вернуться к действительности, растерянно бормочу: "Нет, нет, я посторонний".

Он с недоумением оглядел меня, скользнул взглядом по мятому, изрядно поношенному костюму и запыленной, давно не чищенной обуви. Его лицо, только что выражавшее доброжелательность, стало раздраженным, даже злым. Но ничего не сказав больше, он повернулся и затрусил ручкой, деловито покрикивая что-то

Лихачев

- 3 -

~~внешним~~ стоявшим у грузовика рабочим.

Некоторое время раздумываю, чем я мог привлечь его внимание. Ах да! Мой портфель, да борода под канадского шкипера прошлого века и берет. Видимо, этот, не совсем обычный для провинции внешний вид и создал иллюзию начальства. А преклонение перед начальством на Руси — общезвестно. Это национальная черта. Если вы в шляпе, в очках, да еще с портфелем — сто процентов гарантировано, что в любом учреждении к вам отнесутся предупредительнее и в любом магазине обслужат приличнее, чем гражданина без перечисленных атрибутов. Такова уж психология советского человека!, воспитанного в условиях защищавшегося средообразования.

Я подхожу к дому и осторожно, раздвинув доски на заколоченной двери, пролажу ^{с зами} внутрь. Поднимаюсь по лестнице. Мимо с испуганным визгом проносятся две собаки и выскаивают наружу. Кругом запустение и кучи мусора. Полы сорваны, а все, что можно разломать — разломано. Поднимаю с пола пару школьных тетрадей. Даты на них двух- трехлетней давности. ^{Разогретым бросают} ~~тут же лежит маленький~~ ^{тут же лежит маленький} носовой платочек с нарисованным зайчиком. ~~таким замечательным~~ Помню, что здесь были наши спальни. Справа мальчики, слева девочки. А внизу, под лестницей, стоял большой бачок — погреб. общая для всех. Маленькая сцена — здесь наша самодеятельность ставила спектакли. В хоре разучивали бесчисленные песни о Сталине, "Москву-Пекин". Здесь же устанавливали новогоднюю елку. Средних размеров комната, ^(ЭФФ) тогда ~~она~~ казалась мне большим залом.

Я вылез наружу и, отряхнувшись, зашагал к центру. С каждой минутой росло чувство тревоги. Как будто чего-то не хватало в облике города, который я многие годы хранил в своей душе. Ощущение было сродни тому, как если бы из комнаты неожиданно и незаметно убрали какую-то дорогую для вас вещь. К примеру, любимую картину. Раньше этот предмет так долго находился на глазах, что вы просто перестали его замечать.

Но вот вы вошли и почувствовали легкое беспокойство. На первый взгляд все как будто на месте. Вы осматриваетесь вокруг, не замечая пустоты на стенах. В первые секунды мозг как бы дописывает отсутствующий предмет с образа, запечатленного в памяти. Но беспокойство и тревога нарастают. И вдруг ваш блуждающий взгляд словно магнитом притягивается к зияющей пустоте.

Давно должны были показаться маковки многоглавого собор-главной достопримечательности города. Вот и кинотеатр "Товарищ"... Странно, ведь собор должен быть где-то здесь, со своей

помедите
секунду, погу-
лять
в гардероб

чугунной оградой и несколькими яблонями за ней. Передо мною просторный сквер. Я вхожу в него и вдруг, сквозь деревья, замечаю окружной выступ стены из потемневшего от времени кирпича. В волнении ускоряю шаг, поднимаю голову и... ничего не понимаю! Над остатком фундамента и частью задней стены бывшего собора возвышается несуразная коробка с серой потрескавшейся штукатуркой на фасаде. В изумлении осматриваю это странное сооружение. Вывеска гласит: "Спортивный комплекс. Построен в 1967 году в честь 50-летия Великой Октябрьской Социалистической революции".

Вот как отметили юбилей захвата власти местные хозяева — коммунисты! Таким же варварством, как и полвека назад.

В детстве и юности наши воспитатели, насмешками и долгими нудными лекциями, вырабатывали в нас ненависть и презрение ко всему религиозному. В пионерах и в комсомоле, я тоже не избежал этой "промывки мозгов". Но были и другие, незапланированные уроки. Монотонность и скука полузарженной жизни иногда так надоедали, что многие из нас убегали из детдома в "самоволку". В эти редкие часы свободы мы жадно впитывали жизнь окружающего города, незнакомую и обычно недоступную для нас.

И тогда мы видели, как много людей было, особенно в праздники, у собора. Но без базарного шума и толкотни, все были ласковы и приветливы друг к другу, даже незнакомые. У входа с покорной терпеливостью стояли и сидели старики и старушки, больные и калеки. И мы видели, что люди, которые входили в этот необычный дом или выходили из него, всегда подавали страждущим. Кто монетку, а кто просто кусок хлеба. Ведь время было голодное. Эти люди, их называли верующими, были гораздо добре тех, что равнодушно проходили по улице мимо протянутой руки безногого инвалида.

Верующие... Верящие в добро и справедливость люди.

И сразу как-то тускнело красноречие платных воспитателей перед наглядной правдой жизни.

И вот собора нет. Остались обломки: часть фундамента и стены, приспособленные для чужого тела и чужой цели. Душу храма умертили. А ведь сколько поколений жителей города прошло мимо соборных стен! Всесокрушающий ураган последней войны пронесся, пощадив собор. Ребенком я с благоговением гладил замшелую грань старой кладки, и мне казалось, что я прикасаюсь к седой древности. А если в тихий солнечный день я смотрел на купол главной звонницы, плывущий в небесной синеве, то как будто слышал нежный, мелодичный звон.

Может и не был этот собор таким древним, чтобы привлекать толпы зарубежных туристов, но он был историей этого города, его памятью и душой. С тяжелым чувством я уходил от каменного трупа. Позже я узнал, что такая же участь постигла и католический костел, стоявший неподалеку от стадиона. На его фундаменте теперь воздвигнуто здание строительного треста.

Неожиданно я подумал о Париже. Нет, конечно же я не был в этом городе. Но я знал Париж по книгам Гюго, Бальзака, Дюма, по беглым заметкам советских журналистов. И я подумал, что если бы воскресить парижанина, умершего двести, даже четыреста лет назад, то он вошел бы в сегодняшний Париж, как в город своего детства. Он смог бы бродить по знакомым улочкам и площадям. Он узнавал бы все древние соборы и дворцы. И сказал бы с полным основанием: "Да, это мой родной город. Его нельзя спутать с другим, ибо Париж неповторим".

Равнодушным взглядом я скользнул по взгромоздившемуся на бетонный постамент танку — памятнику какому-то генералу-танкисту, который, видимо, первым ворвался на этом танке в освобожденный от немцев Бобруйск. Но память подсказывает и другое. Такие же генерали и на таких же танках врывались в страны Прибалтики, в Бессарабию и Польшу. А уже после войны давили людей на улицах Будапешта и Праги. Да что там Прага, а собственный Новочеркасск?

Позже я узнал, что для разрушения собора вызывали такой же танк из соседней части. Но не смог он осилить старины. Пришлось применить взрывчатку.

И вовсе неожиданная мысль пришла. На этом постаменте бессмысленно ржавеет 32 тонны видимо неплохой стали, а в Бобруйске да и во всем районе в магазинах — ни утюгов, ни ножниц никаких. Да, если бы все те средства, что идут на раздувание военного психоза, обратить на пользу людям! Многих можно было бы получше одеть и накормить, а бездомные получили бы крышу над головой и не скитались по чужим углам да по казармам-общежитиям...

После раздумий у танка я забрел на кладбище. Оно заметно разрослось, стало теснее. Помню, здесь была небольшая деревянная церковь. На мой недоуменный вопрос какая-то пожилая женщина поправлявшая могилку, рассказала, что церковь сгорела несколько лет назад при весьма странных обстоятельствах. Пожар начался ночью, неожиданно и сильно. Когда жители ближайших домов и верующие бросились тушить, то откуда-то появилось оцепление из милиции и никого не подпустили к месту пожара.

Покинув кладбище, я уже не пытался искать что-то памятное в этом городе.

Спускаясь к железнодорожному переезду, что на улице Бахарева, заметил предупредительную надпись у шлагбаума: "Берегись поезда!" И сразу вспомнилось: а ведь 25 лет назад здесь было написано: "Сцеражися цигніка!" и только внизу — русский перевод.

Теперь белорусская фраза исчезла. К собственному удивлению меня это неприятно задело. Неожиданно я осознал себя белоруссом. Ведь здесь, испокон века, жили мои деды и прадеды. Сама земля эта состоит из праха бесчисленных поколений моих сородичей. И я, их потомок, имею неоспоримое право не только на эту землю, но и на свой родной язык, на право быть белоруссом.

Теперь, уже сознательно, я стал рассматривать надписи на вывесках магазинов, учреждений. Подавляющее большинство их — на русском языке. И лишь заметный белорусский акцент у прохожих напоминает, что ты находишься не в Костроме или Иваново. На базаре иногда можно услышать белорусскую речь. Эти, видно, из деревень приехали. Все же плановая ассимиляция полностью еще не завершена, хотя ее успех очевиден.

Позднее я побывал в Минске. Там картина иная, русских вывесок мало. Но ведь Бобруйск не столица. Доступ иностранцам сюда закрыт, а потому можно беспрепятственно и неуклонно стирать "чужой земли язык и нравы".

Похожую систему плановой русификации я наблюдал и на Украине. Но к чести украинцев, они гораздо упорнее отстаивают национальную самобытность от посягательств "старшего брата". Хотя силы слишком неравны. И они часто поминают недобрый словом своего "неродного сына" Богдана Хмельницкого, который свыше трехсот лет назад совершил роковой поступок, граничащий с национальным предательством.

...Через несколько дней я устроился на работу, прописался и поселился в общежитии. Однако вскоре власти разведали, что я т.и. инакомыслящий, "сью нос, куда не следует", даю читать Всеобщую Декларацию прав человека и т.д. Начались преследования. Дважды меня сахали в сумасшедший дом. Выгоняли с работы. Среди зимы выселили на улицу из общежития. Какой уж раз скамья на вокзале становилась моим прибежищем.

В моем паспорте записано: национальность — белорусс, место рождения — г. Бобруйск. Здесь жили мои родители, отсюда они

- 7 -

ушли на фронт и не вернулись. Здесь же я, как круглый сирота, воспитывался в детском доме. Но теперь в этом городе для меня не нашлось ни крова над головой, ни достойной работы. Власти предлагают мне уехать отсюда. Куда? - Хоть в Хабаровск, мы охотно выпишем тебе туда билет, - говорил мне Марат Тимофеевич Кузнецов, главный врач областной психиатрической больницы. Но ведь в пределах колючей проволоки, опоясавшей страну на многие тысячи километров, законы /а вернее беззаконие/ везде одинаковы. Будь то в Хабаровске, Владимире или Бобруйске. С каждым днем этот город становится для меня не только все более чужим, но и враждебным. Я излечиваюсь от ностальгии.

Недавно я подал в Президиум Верховного Совета заявление с просьбой освободить меня от советского подданства и разрешить покинуть страну. Мне, простому рабочему, отказали и в этом. В праве, не подлежащем сомнению в цивилизованных странах.

Почему?

Я пытаюсь осмыслить причину такого отказа.

В Советском Союзе право на определение и выбор Родины тоже является монополией государства. По своему усмотрению власти одних лишают Родины, других объявляют ее изменниками, третьим отказывают в праве на выезд из страны.

Фактически и тех, и других наказывают за попытку самостоятельно решить вопрос: что такое моя Родина?

В давнее время, когда колючую проволоку еще предстояло изобрести, людей, несогласных с волей правителя или вождя охраняли конвой с копьями. Иногда, для пущей надежности, их заковывали в кандалы.

Но если человек все-таки бежал или пытался это сделать, то никому не приходило в голову обвинять его в измене Родине.

Иное дело сейчас. Наше государство определяет человеку Родину Указом Президиума. От сих до сих. А чтобы Указ был авторитетнее, - огораживают эту родину колючей проволокой с сигнализацией и выставляют конвой в зеленых фуражках, с автоматами и овчарками.

Согласно таким указам Президиума, молдаванин, к примеру, обязан считать далекие Курилы или Сахалин более родными местами, чем земли рядом, за Прутом. И не смей, человече, думать иначе, а то и в измене Родине не долго тебя обвинить!

Только чьей Родине?

Нет, живые люди - не оловянные солдатики, они осмеливаются думать иначе. И изменяют Указам, не считая, что изменяют Роди-

- 8 -

не. Своей Родине.

Родина... Сколько толкований у этого слова. Для одних - это чистая география, место, где родился. Но ведь человек может родиться в неволе или во враждебной среде. Тогда приспособление во всем. К чужой культуре, обычаям, языку. Духовная и физическая ассимиляция.

Но есть и те, кто мечтая об исторической Родине, проносят свою любовь и мечту через годы и поколения. Один мой знакомый, молодой еврей из Минска, как-то сказал: "Если бы в Израиле жизнь была даже хуже, чем здесь, я бы все равно уехал туда".

Но может быть и еще одно толкование Родины. Не каждый, возможно, его приемлет, но оно есть.

Бог создал людей свободными и равными. И это изначальное стремление к свободе присуще людям всех наций и убеждений.

Духовная свобода, родство душ, а не только общность земли и крови - вот что объединяет этих людей, независимо от их национальности. Линии свободы, их тем самым лишают и Родины.

Не только интеллектуалы типа Герцена или Плеханова уезжали на Запад. Тысячи полуграмотных крестьян: русские, украинцы, белоруссы, поляки в поисках Родины заселили необжитые земли в далекой Канаде и других странах.

Люди десятков разных национальностей и религиозных убеждений, свободно объединившись, создали себе новую Родину - Соединенные Штаты Америки. Тысячами устремляются туда и сейчас. Только из России немного. Колючая проволока и автоматы на вышках - неодолимая преграда.

Как и много лет назад, Россию покидают те, у кого украдли Родину, ~~и они её несут~~. И большинство её нападает. А боится и нет. Таков чук человек.

х   х   х

25 марта 1978 г.

213802. г. Бобруйск,
ул. Крылова д. II ком. 100.

~~D.W. в 18²⁰ 9/VI-1978-2.~~
 и в 20⁴⁵ - 10/VI-

945

~~Желательно беркнуть этот экземпляр.~~

Не возвр.

- 2 -

Следует учесть, что в Библиотеке имеются различные виды паспортов для лиц, которых нет, отсюда, изображение паспорта на фотографии не имеет никакого отношения к тому, каким образом и когда уничтожен и выведен из обращения. Такое заявление может и быть

правдой, если верификатор до вчерашнего дня не знал о том, что лицо, изображенное в этом паспорте, умерло и не более того. Но это не означает, что паспорт не поддельный.

Возможно, что в Библиотеке есть поддельные паспорта, но это не значит, что они были сделаны в Библиотеке, а значит, что они были сделаны в других местах. Такие паспорта могут быть поддельными, но это не значит, что они были сделаны в Библиотеке.

Но это не значит, что они были сделаны в Библиотеке, а значит, что они были сделаны в других местах. Такие паспорта могут быть поддельными, но это не значит, что они были сделаны в Библиотеке.

Но это не значит, что они были сделаны в Библиотеке, а значит, что они были сделаны в других местах. Такие паспорта могут быть поддельными, но это не значит, что они были сделаны в Библиотеке.

Но это не значит, что они были сделаны в Библиотеке, а значит, что они были сделаны в других местах. Такие паспорта могут быть поддельными, но это не значит, что они были сделаны в Библиотеке.

Но это не значит, что они были сделаны в Библиотеке, а значит, что они были сделаны в других местах. Такие паспорта могут быть поддельными, но это не значит, что они были сделаны в Библиотеке.

Но это не значит, что они были сделаны в Библиотеке, а значит, что они были сделаны в других местах. Такие паспорта могут быть поддельными, но это не значит, что они были сделаны в Библиотеке.

Но это не значит, что они были сделаны в Библиотеке, а значит, что они были сделаны в других местах. Такие паспорта могут быть поддельными, но это не значит, что они были сделаны в Библиотеке.

Но это не значит, что они были сделаны в Библиотеке, а значит, что они были сделаны в других местах. Такие паспорта могут быть поддельными, но это не значит, что они были сделаны в Библиотеке.

Но это не значит, что они были сделаны в Библиотеке, а значит, что они были сделаны в других местах. Такие паспорта могут быть поддельными, но это не значит, что они были сделаны в Библиотеке.